

номъ кругъ дѣйствія, остаются зачаточными и элементарными, не испытанными широкаго примѣненія въ болѣе сложныхъ общественныхъ условіяхъ, и внѣ другихъ средствъ общественности бываютъ безсильны, — мы видимъ дѣйствительно, что для самаго народа онѣ очень часто остаются только фразой и на дѣлѣ слишкомъ часто исчезаютъ подѣ тѣми дурными инстинктами, которымъ слишкомъ мало противоdѣйствовали условія народнаго воспитанія. Левитовъ не мудрствовалъ лукаво и его рассказы съ глубокой ироніей могли бы отвѣтить на трогательныя изображенія общинной правды и «власти земли». Назовемъ рассказы: «Деревенскій случай», «Расправа», «Сказка и правда» и пр. Общинная правда исчезала очень легко — по желанію перваго богатаго мужика, который въ состояніи былъ перепоить «міръ» въ кабацѣ; власть земли не мѣшала крайнимъ несправедливостямъ въ средѣ своихъ же, тѣмъ болѣе несообразнымъ и возмутительнымъ, что «міръ» всегда знаетъ или можетъ знать всю правду о своихъ односельчанахъ. Въ рассказахъ Левитова не скрыта та обычная черта, что обиліе благочестивыхъ и разумныхъ сентенцій становится въ патріархальномъ быту только одеждой наглого лицемерія или низменнаго лганья. Идеализаторы народа множество разъ изображали въ розовыхъ чертахъ крѣпость народнаго преданія, противопоставляя ее новѣйшей городской испорченности, и рисовали идиллическія картины быта, основаннаго на старинныхъ строгихъ правилахъ «Домостроя». Левитовъ, не задаваясь тенденціями, рассказываетъ обычные проявленія этого преданія, и въ результатѣ получается рядъ тягостныхъ, часто возмутательныхъ картинъ стараго обычая. Слишкомъ часто этотъ бытъ въ духѣ преданія (какъ въ крестьянствѣ, такъ и въ купеческой средѣ, сохраняющей преданіе) представляется картиной грубаго насилія сильныхъ надъ слабыми, мужчинъ надъ женщинами, старшихъ надъ дѣтьми. Типическій глава семьи держитъ ее въ «грозѣ» и «острасткѣ»; эта гроза проявляется не то что въ суровомъ домоправительствѣ, а зачастую просто въ бессмысленномъ битѣ, большею частью, конечно, въ пьяномъ видѣ: послѣдствіемъ бываетъ то, что цѣлая семья бываетъ «юродивая и ошалѣлая» («Сладкое житье», I, стр. 76); дѣти заколачиваются до полоумства («Новый колоколь», «Блаженненъкая», «Графчикъ»); положеніе дѣвушки въ семьѣ до послѣдней степени безправное, ея замужество совершается тѣмъ самымъ способомъ, какой безчисленное множество разъ описывается въ пѣсняхъ, оплакивающихъ судьбу молодой женщины въ чужой семьѣ подѣ властью злого свекра и злой свекрови.